

Можно предположить, что причина сложности таких коррелятивных отношений между дирекциональными предлогами в русском и немецком языках заключается в отличиях в их семантической структуре, возможно и в различиях в членении самих дирекциональных отношений. Например, семантика предлога *no* характеризуется наличием семы 'кратковременный контакт'. В немецком языке не выявлено предлога, обладающего соответствующей семантической характеристикой.

Выявление причин сложностей описанных выше коррелятивных отношений между дирекциональными предлогами немецкого и русского языков требует детального анализа семантики и особенностей употребления данных предлогов, что станет предметом наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская Грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
2. Klaus, C. Grammatik der Präpositionen. Studien zur Grammatikographie / C. Klaus – Frankfurt a.M. u.a.: Lang, 1999. – 287 S.

Т. Е. Трощинская-Степушина (средняя школа № 4 г. Витебска, Беларусь)

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В ПРОЗЕ В. КАЗАКЕВИЧА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Персонификация (от лат. *persona* – «лицо», *facio* – «делаю»), или олицетворение – троп, смысл которого заключается в приписывании свойств человеческой психики предметам и явлениям реального или вымышленного мира [1, с. 1887]. Семантической основой персонификации является принцип несовместимости составляющих ее лексических единиц, когда субъект получает антропонимическую характеристику или характеристику живого существа.

С целью комплексного лингвистического описания номинаций персонифицированных художественных образов мы обратились к прозе Вечеслава Казакевича – современного белорусского автора, живущего в Японии, но пишущего на русском языке.

Сквозной семантический анализ персонифицированных образов, проведенный с целью определения денотатов персонификации, позволил определить шесть тематических групп: «Явления природы», «Животный мир», «Растительный мир», «Небесные тела», «Предметы», «Понятия».

В околоядерное пространство вошли лексемы групп «Животный мир» (18 %), «Понятия» (13 %), «Явления природы» (13,1 %), «Растительный мир» (10,4 %); на периферии оказывается тематическая группа «Небесные тела» (2,5 %). Наиболее частотно в исследуемой прозе выявляются языковые единицы, принадлежащие к семантическому классу «Физические свойства и состояния живого организма» (35,5 %), служащие не только средством номинации, но и характеристики (по Н. Д. Арутюновой) образа.

Таким образом, лексемы семантического класса «Физические свойства и состояния живого организма», «наделяя» неодушевленные предметы основными биологическими признаками любого живого существа, обладают выраженным персонифицирующим потенциалом и являются средством создания самобытных образов, позволяющих увидеть привычный предмет в необычном ракурсе.

Семантика персонифицирующего признака различается также степенью проявления антропоморфных свойств в структуре художественного образа. Одним из распространенных способов персонификации является наделение неодушевленных предметов сознанием: *1. Перевязанные бечевками, на чердаке лежали старые журналы, всем своим видом говорившие: надежд на то, что их однажды прочтут, у них не осталось* [2, с. 31]; *2. Возможно, жуки вспоминали былую поднебесную жизнь;* *3. Колеса самолета с ужасом теряют под собой почву* [2, с. 43] и др. Данные (и подобные им) лексемы составляют семантический класс «Психические процессы».

Наделение даром речи неодушевленных предметов (10 %) с дополнительными экспрессивными характеристиками приводит не только к субъективации повествования, но часто создает комический эффект: *1. Корыта и бельеварки получали дар речи и ... начинали бубнить цинковыми голосами* [2, с. 155]; *2. Лягушки и жабы устраивали по ночам ужасную переключку. А когда они стихали, в доме принимались петь наехавшие из деревень сверчки* [2, с. 143] и др.

К малочастотным относятся семантические группы «Родственные отношения» (4 %) и «Социальное взаимодействие» (7,6 %): *1. Яблоня росла не по годам, а по месяцам и вымахала в такое громоздкое дерево, будто приходилась дальней родственницей баобабу* [2, с. 8]; *2. ... в наследство от органа власти и типографии были еще получены старый... диван с высокой черной спинкой, его сестра – кушетка и компания разночинных стульев* [2, с. 14]; *3. Всегда оказывалось, что один поросенок превосходил другого. Равенства не было и в свином мире;* *4... за перегородкой перехрюкивались поросята* [2, с. 16] и др. Персонификация в данном семантическом пласте, выявленная в прозе В. Казакевича, подчеркивает важность для автора семейных ценностей, а также свидетельствует о его стремлении к достоверной передаче детского восприятия мира героями.

Анализ семантики персонификаторов в исследуемой прозе позволил нам выделить 5 основных семантических классов: 1) «Психические процессы», 2) «Речевая способность», 3) «Качества характера», 4) «Эмоциональное состояние», 5) «Физические свойства и состояния живого организма» и две малочастотные группы: «Социальное взаимодействие» и «Родственные отношения». «Оживление» художественных образов в исследуемой прозе происходит за счет наделения персонифицируемого объекта специфическими свойствами человека – сознанием и речью (64,5 %). Следовательно, речь идет об антропоморфизации действительности, т. е. окружающий человека мир предметов и явлений, мир природы рассматривается автором как открытая

живая сущность. Персонификация является важным способом символического кодирования реальности, с помощью которого человек может не только понять окружающий мир, но и почувствовать его.

Таким образом, наличие ярких персонифицирующих контекстов с лексемами выявленных групп доказывает, что персонификация не только не обнаруживает тенденции к исчезновению, но продолжает активно развиваться, приобретая новые формы осмысления и языкового воплощения традиционно олицетворяемых понятий в современной русскоязычной белорусской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – С. 1887.
2. Казакевич, В. Охота на майских жуков : повесть / В. Казакевич. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2009. – 188 с.

В. В. Тур (МГЛУ, Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ И ГРАНИЦАХ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Несмотря на возродившееся в рамках когнитивных исследований пристальное внимание к полисемии, проблема природы этого явления остается до сих пор не решенной – главным образом, из-за неясности вопроса, лежащего в ее основе: что мы имеем в виду, говоря о разных значениях слова?

При всем многообразии подходов к описанию значению слова, сформировавшихся в рамках лексической семантики, лингвисты следуют одному общему принципу, которое наиболее лаконично сформулировал Дж. Кац: «Значение должно быть абстракцией... должно представлять только инвариантные признаки. В противном случае, ни одно слово не сможет быть использовано снова в том же самом значении» [3, с. 60]. Другими словами, определение границ значения сводится к поиску того уровня описания, на котором оно предстанет достаточно общим, чтобы охватить все варианты его употребления, и одновременно достаточно частным, чтобы отделить одно значение от другого.

Так, например, имя *tail* ‘хвост’, относящееся к хвосту лошади, в той же мере относится к хвосту собак на основании общего признака «животное», к хвостам птиц и рыб на основании общего признака «живое существо». Как видно, значение слова при таком подходе определяется мерой допустимой степени абстракции, а та в свою очередь обусловлена признаком, положенным в ее основу: на уровне признака «животное» хвосты животных и птиц представляют собой разные подзначения слова *tail*, которые, однако, нивелируются на уровне признака «живое существо». Сказанное соответствует наблюдению Дж. Тейлора и А. Круза, согласно которому разные контексты могут требовать разной степени детализации (*zooming in* [3, с. 639]) одного и того же значения. Таким образом, «то, что представляется